

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 6 (117). С. 91–104.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 6 (117), С. 91–104.

Научная статья

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-7>

УДК 81'23

EDN: LVLVPD

**«Мы не кричим, а поднимаем руку»:
употребление местоимения «мы» в речи учителей**

Елена Игоревна Риехакайнен^{1✉}, Ульяна Андреевна Судакова²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹e.riehakajnen@spbu.ru, <https://doi.org/0000-0003-4087-1225>

²st101968@student.spbu.ru, <https://doi.org/0009-0005-7614-6713>

Аннотация. В статье анализируется употребление местоимения «мы» на материале 21 урока четырех результативных учителей истории, русского языка и литературы. В речи учителей истории, которые в целом употребляли «мы» чаще учителей русского языка и литературы, авторы статьи выделили – среди прочих – употребление «мы» в функции дискурсивного маркера. Несмотря на наличие у учителей индивидуальных предпочтений в использовании местоимения «мы» в том или ином значении, чаще всего в речи учителей данное местоимение употребляется в инклюзивном значении, что, на наш взгляд, должно способствовать выстраиванию более доверительных отношений между учителем и учениками.

Ключевые слова: местоимение «мы», педагогический дискурс, значение инклюзивности, русский язык

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 101747352 «Роль лингвистических характеристик речи в результативных учительских практиках: корпусные и психолингвистические данные»).

Для цитирования: Риехакайнен Е. И., Судакова У. А. «Мы не кричим, а поднимаем руку»: употребление местоимения «мы» в речи учителей // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 6 (117). С. 91–104. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-7>

“We don’t shout, we raise our hands”: the pronoun “we” in teachers’ speech

Elena I. Riekhakaynen^{1✉}, Ulyana A. Sudakova²

^{1, 2} Saint Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

¹e.riehakajnen@spbu.ru, <https://doi.org/0000-0003-4087-1225>

²st101968@student.spbu.ru, <https://doi.org/0009-0005-7614-6713>

Abstract. The paper analyzes the use of the pronoun “we” in 21 lessons of four effective teachers of history, Russian language and literature. In the speech of history teachers, who generally used “we” more often than teachers of the Russian language and literature, we identified – among others – the

use of "we" as a discourse marker. Despite teachers' individual preferences in using the pronoun "we", this pronoun is most often used in an inclusive meaning, which, in our opinion, should contribute to building more trusting relationships between teachers and students.

Keywords: pronoun "we", educational discourse, the meaning of inclusiveness, Russian

Acknowledgments. The work is supported by St Petersburg State University (Project no. 101747352 "The Role of Linguistic Features of Speech in Effective Teaching Practices: A Corpus-based and Psycholinguistic Study").

For citation: Riekhakaynen E. I., Sudakova U. A. "We don't shout, we raise our hands": the pronoun "we" in teachers' speech. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 6 (117), pp.91–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-6-117-7>

Введение

В современных исследованиях, касающихся методики преподавания, нередко затрагивается вопрос о речевом поведении педагога¹. С развитием дистанционного обучения, при котором привлечь и удержать внимание педагогу обычно сложнее, чем при непосредственном взаимодействии с учениками, эта тема становится еще более актуальной. Как следствие, одним из направлений, которые разрабатываются в работах по педагогике, оказывается изучение речевого манипулирования². Как справедливо отмечает К. А. Долинин, «преподаватель языка выступает не только как субъект, но и как организатор речевой деятельности. Из этого следует, что он должен знать законы формирования речевого смысла и уметь их сознательно применять»³. Педагог может использовать определенные приемы для того, чтобы заинтересовать ученика, построить с ним доверительные отношения, поскольку различные ««смягчающие»» паттерны поведения создают благоприятный образовательный климат, сглаживают строгость обстановки или гасят возникающие напряжения как минимум на риторическом уровне, позволяют ученикам почувствовать небезразличие

¹ Сергоманов П. А., Мальцев М. А., Бысик Н. В., Бекетов В. Ю., Байбурун Р. Ф. Социология урока: дискурсивная организация результативных учительских практик // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 191–218; Chase C. C., Marks J., Malkiewicz L. J. et al. How Teacher Talk Guidance during Invention Activities Shapes Students' Cognitive Engagement and Transfer // International Journal of STEM Education. 2019. Vol. 6. Paper 14. URL: <https://stemeducationjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40594-019-0170-7#citeas> (дата обращения: 25.05.2023); Rose D. Analysing Pedagogic Discourse: An Approach from Genre and Register // Functional Linguist. 2014. Vol. 1. Paper 11. URL: <https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-014-0011-4#citeas> (дата обращения: 25.05.2023).

² Левина О. М. Коммуникативная стратегия манипулирования как объект дидактизации в межкультурном языковом образовании // Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы / под редакцией В. А. Гончаровой, И. Н. Столяровой. Москва: Библио-Глобус, 2018. С. 123–132; Погорельская О. А. Манипулятивные техники в итальянском политическом дискурсе в аспекте преподавания профессионально ориентированного перевода на старших курсах в высшей школе // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Ч. 2. С. 424–433.

³ Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык. Москва: КомКнига, 2010. С. 7.

со стороны учителя, его внимательное отношение к их ситуативным состояниям или статусам»¹.

В статье будут представлены первые результаты многоаспектного исследования речи школьных учителей, одной из задач которого является выявление лингвистических особенностей речи педагогов, реализующих результативные учительские практики. Под результативной практикой преподавания (результативной учительской практикой) понимается практика, которая «способствует устойчивой академической успеваемости и благополучию детей»². Мы предполагаем, что ряд этих особенностей будет связан с установлением более близких, доверительных отношений между учителем и учениками. Косвенным подтверждением данного предположения можно считать полученные нами результаты пилотного опроса школьников из разных школ Российской Федерации (132 ученика 7–11 классов, 96 девочек и 36 мальчиков, выборка формировалась случайным образом). На вопрос «Как общается с учениками идеальный учитель?» одним из наиболее частых был ответ «на равных».

В научной литературе выделяется множество приемов речевого манипулирования³. По всей видимости, установлению доверительных отношений между учителем и учениками в наибольшей степени должны способствовать приемы интимизации повествования – употребление языковых средств, «в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией»⁴.

В то же время некоторые исследователи считают, что «не выявлены речевые средства, характерные для интимизации речи»⁵. Г. А. Копнина⁶ отмечает следующие средства, которые, на наш взгляд, могут способствовать интимизации повествования:

- обращения, идентифицирующие адресанта с адресатом по территориальному признаку;
- местоимение «мы» с размытым содержанием;
- вопросно-ответные конструкции;
- риторические вопросы и некоторые другие языковые / речевые средства;
- тексты, повествующие о чём-либо «от себя».

Большинство перечисленных средств сформулированы достаточно широко, и для их анализа на конкретном речевом материале необходимо предварительно решить ряд методологических (а иногда и теоретических) вопросов. Наиболее конкретным и

¹ Сергоманов П. А., Мальцев М. А., Бысик Н. В., Бекетов В. Ю., Байбуurin Р. Ф. Социология урока: дискурсивная организация результативных учительских практик // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 205.

² Там же. С. 195.

³ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва: Школа «Языки русской литературы», 1997. С. 475–476; Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва: Флинта, 2012. 170 с.

⁴ Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва: Флинта, 2012. С. 90–91.

⁵ Кузнецова А. А. О понятии «интимизация речи»: к постановке проблемы // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). С. 2. URL: <https://rulb.org/media/articles/5450.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).

⁶ Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва: Флинта, 2012. С. 90–91.

поддающимся количественной оценке является употребление местоимения «мы», поэтому мы решили рассмотреть указанный прием интимизации повествования в речи учителей.

Местоимения играют ключевую роль в организации дискурса, поскольку являются одним из основных средств референции: в их значение «входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотносительности высказывания с действительностью»¹. Несмотря на то что исследователи не всегда однозначно классифицируют и описывают личные местоимения², во всех определениях так или иначе упоминается, что они указывают на участников речевого общения.

«Местоимение “мы” отличается семантической размытостью»³, имеет несколько значений, и в конкретном контексте не всегда понятно, какая группа людей подразумевается под «мы»: «мы = “говорящий?”», «говорящий и его сторонники?»», «говорящий и слушающие?»», «весь народ?»»⁴. Считается, что именно по этой причине местоимение 1 лица мн.ч. может использоваться в манипулятивных целях. В работе Е. В. Маркасовой и В. Тянь приводятся примеры подобного использования данного местоимения в политическом дискурсе. В научной литературе указывается, что употребление «мы» в значении ‘я + вы’ позволяет достигнуть эффекта сближения говорящего / пишущего и того, к кому обращено высказывание⁵. В данной работе также упоминается родительское / учительское «мы», когда родители и учителя заменяют им местоимения «ты» или «вы» («Мы уже ботиночки сами шнуруем»⁶). При этом в качестве возможных функций подобных употреблений авторы указывают не только интимизацию повествования, но и выражение угрозы или подавление воли адресата. В целом, в этой работе приводится много частных примеров употребления местоимения «мы» в русском языке, но предложенная авторами классификация в некоторых аспектах является противоречивой (например, «мы» в значении ‘я + вы’ отнесено к эксклюзивным). Более удачной нам кажется классификация И. Ю. Граневой⁷, в которой выделяются следующие значения:

- 1) инклюзивное: «мы ‘я и ты / вы’», может выражаться эксплицитно как «мы с тобой / вами»;
- 2) эксклюзивное: «мы ‘я и он (она) / они’», может выражаться эксплицитно как «мы с ним (ней) / ними»;
- 3) «мы», которое «следует трактовать как ‘ты’ или ‘вы’»;

¹ Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука, 1985. С. 11.

² Гранева И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения «мы» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 208–209.

³ Маркасова Е. В., Тянь В. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 80.

⁴ Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва: Флинта, 2012. С. 90–91.

⁵ Маркасова Е. В., Тянь В. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 79–86.

⁶ Там же. С. 82.

⁷ Гранева И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения «мы» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 208–209.

4) «мы» в значении 'я' («научное», «публицистическое» или «писательское», «социальной или психологической значимости»);

5) экзистенциальное нереферентное «мы» («ценностное», «идеологическое», «рекламное», 'я + определенная группа людей, обладающих одними взглядами и убеждениями');

б) универсальное («обобщенно-личное») «мы».

Мы будем пользоваться указанной классификацией при описании употреблений местоимения «мы» в речи школьных учителей. При этом мы считаем, что интимизации повествования способствуют не только случаи употребления «мы», когда воспринимающему сложно однозначно определить значение, заложенное говорящим или пишущим (размытость содержания), но и инклюзивное «мы», а также «мы» в значении 'ты' или 'вы'.

Основная часть

Материал исследования

В качестве материала были выбраны расшифровки записей речи учителей, реализующих результативные педагогические практики. Записи уроков, а также расшифровки записей были сделаны нашими коллегами из ООО «СберОбразование». Мы проанализировали 21 урок, проведенный 4 педагогами: десять уроков истории (четыре урока Учителя 1, шесть уроков Учителя 3¹), четыре урока литературы (два урока Учителя 4, два урока Учителя 5) и семь уроков русского языка (два урока Учителя 4, пять уроков Учителя 5). Всего мы рассмотрели два урока в 5 классе, девять уроков в 6 классе, шесть уроков в 7 классе и четыре урока в 8 классе. Все уроки были проведены педагогами-женщинами. Общий объем проанализированного материала – 53040 словоупотреблений (далее – с/у).

Принципы обработки материала

Из расшифровок записей мы извлекли все контексты употребления местоимения «мы» в различных формах. Необходимо отметить, что распределение примеров употребления оказалось неравномерным ($\chi^2=21,068$; $df=3$; $p < 0,001$). Поскольку количество записей, полученных от учителей, в нашем материале было неодинаковым, при расчете статистического критерия распределение примеров сравнивалось не с равномерным, а с соотношением общего количества словоупотреблений в записях каждого учителя: учителя истории в целом использовали местоимение «мы» чаще, чем учителя русского языка и литературы (см. табл. 1).

Каждому употреблению местоимения «мы» было присвоено значение. В 39 случаях мы не смогли однозначно определить значение местоимения. При описании таких примеров мы указывали два значения через знак «/». В 21 примере местоимение можно трактовать как инклюзивное или в значении 'вы':

¹ В этой статье мы рассматриваем только уроки, которые вели педагоги-женщины, поэтому мы не приводим данные Учителя 2 (этим номером в нашем материале маркирован учитель-мужчина).

(1) *Итак, мы с вами договорились уже давно, что текстовыделителем или маркером **мы** обозначаем... Покажете мне маршрутные листы сейчас. Обозначаем выполненные задания. Покажите мне на маршрутном листе задания... Где **мы** отмечаем это задание? Отметка о выборе! Кто-то обозначает полностью отметку о выборе. «Сделано» написали некоторые. [Подходит к ученику за первой партой первого ряда]. Покажи мне маршрутный лист.*

Таблица 1

Количество контекстов употребления местоимения «мы» в речи каждого учителя

	Общий объем записей, с/у	Количество употреблений местоимения «мы»	
		Абсолютное значение	ipm*
Учитель 1 (история)	9666	166	17173,6
Учитель 3 (история)	13120	232	17682,9
Учитель 4 (русский язык, литература)	10768	134	12444,3
Учитель 5 (русский язык, литература)	19486	244	12521,8

*Количество употреблений на миллион

Все эти примеры встретились в речи Учителя 5 на уроках русского языка.

В 15 примерах допустима трактовка местоимения как инклюзивного или универсального (такие примеры встретились в речи всех учителей):

(2) *А вот если к документу обратиться. Где этот вывод? Какими словами **мы** можем цитировать? О каком вообще эле ты говоришь? Найди мне цитату! В чем зло **мы** видим?*

В двух примерах сложно выбрать между эксклюзивным и инклюзивным значениями (оба примера из речи Учителя 5):

(3) *Представляете, до 14 мая, все каникулы, конечно, и плюс еще, после каникул... А теперь пишите себе где-то в маршрутном листе наверху. Вы должны до окончания этих заданий уровня А2... Лиза, повтори **нам**, пожалуйста, еще что **мы** должны знать на А2 все?*

В одном примере из речи Учителя 4 возможна трактовка «мы» как эксклюзивного или в значении «я»:

(4) *Тааак! Давай оба. Раз спросил. Будь любезен, пожалуйста, устойчивее стой, перпендикулярно земле. **Нам** бы не хотелось оказывать тебе помощь [неразборчивое слово].*

По всей видимости, данные контексты можно рассматривать как «мы» с размытым содержанием, которое выделяется в качестве одного из средств интимизации повествования в исследовании Г. А. Копниной¹. В остальных случаях, на наш взгляд, значение местоимения «мы» определяется однозначно. Также мы выделили допол-

¹ Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва: Флинта, 2012. С. 90–91.

нительное значение, помимо тех, которые традиционно выделяются в научной литературе. Мы обозначили его как «дискурсивный маркер»: местоимение «мы» в этом значении можно опустить без потери смысла. Возможно, его можно трактовать даже как слово-паразит, характерное для речи конкретного учителя:

(5) *Мы с вами рассмотрим в очень кратком виде три причины [пишет на доске]. Первый момент – это у нас укрепление церкви. Чтобы она укреплялась на присоединенных территориях и, соответственно, в самом русском государстве.*

Распределение употреблений местоимения «мы» в различных значениях в проанализированном материале без учета тех случаев, когда не удалось однозначно определить значение, представлено на рис. 1.

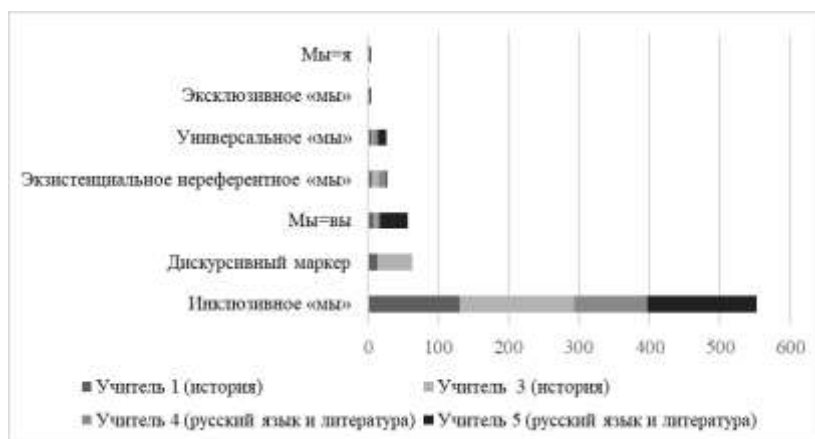

Рис. 1. Распределение употреблений местоимения «мы» в различных значениях

Далее мы рассмотрим каждое из значений отдельно – от наиболее частотного к наименее частотному, уделяя при этом внимание на то, влияет ли на выбор значения класс, предмет и индивидуальные особенности учителя. Для оценки влияния данных факторов использовался биномиальный критерий или критерий χ^2 (с поправкой на непрерывность в случае таблиц 2×2), статистическая обработка проводилась в программе JAS. Поскольку в нашем материале общее количество примеров употребления «мы» в записях было разным, при употреблении статистических критериев мы принимали в качестве ожидаемого распределение, которое соответствует соотношению общего количества примеров употребления местоимения «мы» по разным классам, предметам и учителям.

Результаты

Инклюзивное значение

Указанное значение было наиболее частотным как по всей выборке (74,8 % от всех примеров, для которых мы смогли однозначно определить значение), так и отдельно у каждого из учителей (Учитель 4 – 81,0 %; Учитель 1 – 80,4 %; Учитель 5 – 71,4 %; Учитель 3 – 70,6 %). В 40,1 % случаев (221 пример) это употребление сопро-

вождается словами «с вами» (нужно отметить, что эти слова практически не употребляются с местоимением «мы» в других значениях):

(6) *Итак, внимание на план. Мы сегодня разберем личность Павла Первого, раз, конечно же **мы** посмотрим с **вами**... (неразборчиво) престолонаследия, преобразования и в армии, и решение крестьянского вопроса, жалованную грамоту дворянства – то есть все преобразования, которые делал Павел.*

Данная конструкция является частотной в речи всех учителей, кроме Учителя 5, у которого она встречается только в 14 % примеров с «мы» в этом значении (для сравнения у остальных учителей количество таких примеров выше 40 %).

Кроме того, 16 примеров употребления «мы» в инклюзивном значении – это часть конструкции «Давайте мы (с вами) сделаем что-то». Таких примеров больше всего в речи Учителя 3:

(7) *Давайте мы с вами выделим три причины, по которым Москва у нас возвышается. Начинаем с первого ряда по поднятой руке.*

На возможность употребления местоимения «мы» в конструкции «мы с вами» для экспликации инклюзивного значения указывается в работе И. Ю. Граневой¹. По всей видимости, используя обе упомянутые выше конструкции, учитель усиливает значение инклюзивности и эксплицитно «отождествляет себя с “социальным телом” класса»².

Распределение случаев употребления местоимения «мы» в инклюзивном значении по классам оказалось неравномерным ($\chi^2=8,041$; $df=3$; $p=0,045$): в речи учителя на уроках в 5 классе «мы» в данной функции употребляется чаще, чем мы ожидали исходя из общего распределения контекстов употребления с «мы» по классам (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля употреблений местоимения «мы» в инклюзивном значении по классам

Класс	Количество примеров в инклюзивном значении и процент от общего числа контекстов для этого класса
5 класс	83 (84,7 %)
6 класс	215 (71,7 %)
7 класс	165 (76,7 %)
8 класс	88 (71,0 %)

Уроки в 5 классе вел один учитель, поэтому мы также проверили, насколько часто Учитель 1 использует местоимение «мы» в инклюзивном значении на уроках в 5 и в 8 классе (уроки этого учителя в 6 и 7 классе в нашем материале рассмотрены не были). Мы сравнили соотношение инклюзивных и неинклюзивных употреблений в

¹ Гранева И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения «мы» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 208.

² Сергоманов П. А., Мальцев М. А., Бысик Н. В., Бекетов В. Ю., Байбурин Р. Ф. Социология урока: дискурсивная организация результативных учительских практик // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 203.

речи Учителя 1 на уроках и не выявили значимых различий ($\chi^2 = 2,268$; $df = 1$; $p = 0,132$). Таким образом, нельзя утверждать, что частотность употребления «мы» в этом значении зависит от класса.

Употребление «мы» в функции дискурсивного маркера

Вторыми по частотности употребления оказываются местоимения «мы» в функции дискурсивного маркера, но указанные контексты значительно уступают по частоте встречаемости инклюзивному употреблению «мы» (всего 8,7 % от общего количества примеров, в которых удалось однозначно определить значение местоимения). В большинстве этих примеров местоимение употреблялось в сочетании с предлогом «у».

(8) *Мы с вами рассмотрим в очень кратком виде три причины [пишет на доске]. Первый момент – это у нас укрепление церкви. Чтобы она укреплялась на присоединенных территориях и, соответственно, в самом русском государстве.*

Такое значение встречается только в речи учителей истории. При этом Учитель 3 чаще употребляет местоимение «мы» в этом значении, чем Учитель 1 (50 и 13 раз соответственно). Более 60 % всех употреблений местоимения в этой функции приходится на 7 и 8 классы, в которых ведет уроки Учитель 3. В речи Учителя 1 на уроках в 8 классе встретилось всего 4 употребления в этом значении против 16 у Учителя 3; общее количество употреблений местоимения «мы» в 8 классе у этих учителей при этом значимо не различается (65 и 59 примеров соответственно; $p = 0,654$, бинomialный тест), а общий объем записей уроков для Учителя 3 почти на 1000 с/у меньше, чем для Учителя 1.

«Мы» в значении «вы»

Следующим по частотности является употребление местоимения «мы» в значении «ты» или «вы». Данное значение часто связано с речью учителей, поскольку оно «сокращает расстояние между участниками общения», «маскирует разницу в статусах», «ставит адресата на одну ступень с собой», создает «иллюзию равенства»¹. Однако в нашем материале оно так же, как и все остальные значения, значительно уступает по частотности употреблению «мы» в инклюзивной функции.

Поскольку в литературе нередко фигурируют примеры использования «мы» в этом значении применительно к маленьким детям, мы ожидали, что доля таких употреблений будет снижаться от 5 к 8 классу, но наше предположение не подтвердилось (см. табл. 3).

Чаще всего «мы» в указанной функции встречается на уроках в 6 классе (14 % от всех примеров, встретившихся на уроках в 6 классе; для сравнения: во всех остальных классах доля таких употреблений не превышает 4,1 %), и практически все примеры (40 из 42) – в речи Учителя 5. Таким образом, можно предполагать, что частота употребления «мы» в данном значении определяется индивидуальными предпочтениями учителя.

¹ Маркасова Е. В., Тянь В. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 82.

Употребление местоимения «мы» в значении ‘ты’ или ‘вы’

Класс	Количество примеров в указанном значении	Общее количество употреблений местоимения «мы»	Общее количество словоупотреблений
5	4 (7 %)	98 (13,3 %)	4870 (9,1 %)
6	42 (73,7 %)	300 (40,7 %)	25125 (47,4 %)
7	6 (10,5 %)	215 (29,2 %)	14348 (27 %)
8	5 (8,8 %)	124 (16,8 %)	8697 (16,3 %)
Всего	57 (100 %)	737 (100 %)	53040 (100 %)

Экзистенциальное нереперентное «мы»

В эту группу в нашем материале попали преимущественно примеры так называемого «исторического “мы”»:

(9) *Итак, у нас с вами 5 пунктов получилось. Юрий Данилович – боролся с Тверью и заслужил хорошее положение в Золотой Орде и получил ярлык на Великое княжение. Пытался как-то развивать отношения со Швецией, с которой мы недавно воевали в 13 веке и расширял территории. Успеваете?*

Соответственно, чаще всего местоимение «мы» в этой функции употребляется на уроках истории (16 из 27 примеров). На уроках в 5 классе таких примеров не встречается. Это можно объяснить небольшим объемом материала для этого класса в нашей выборке. В 7 классе встретилось больше примеров, чем в 6 и 8 классах, при этом 10 из них употреблялись Учителем 4 на уроке литературы.

Универсальное (обобщенно-личное) «мы»

Местоимение «мы» в этом значении хотя бы один раз употребил каждый из учителей; вероятность употребления такого «мы» на уроках в проанализированных классах примерно одинаковая. При этом чаще всего «мы» в этом значении встречается на уроках русского языка:

(10) *То есть у нас есть некие объекты и есть их признаки, как они выглядят. То есть перед нами описание. На полях, пожалуйста, будьте добры, – описание.*

Эксклюзивное «мы»

Таких примеров в нашем материале оказалось всего восемь, семь из которых – из речи Учителя 5 и один – из речи Учителя 3:

(11) *Сейчас смотрим все внимательно на меня. На парте у вас, на столе, наверное, все-таки вы постарались положить, ребят... После одной команды, как в прошлый раз в шестом «В» классе мы в переменочку... Может быть, что-то мы не положили. Давайте проверим.*

«Мы» в значении ‘я’

Мы в значении ‘я’ («научное», «публицистическое» или «писательское», «социальной или психологической значимости»)¹ встречается в нашем материале реже всего. Это всего четыре примера из речи Учителя 4 и Учителя 5 на уроках русского языка:

(12) *Не перебивай меня, пожалуйста. Можно, я озвучу цель. Запланируете, пожалуйста, какие вы на уроке сегодня будете делать [задания]. Сейчас сделаешь. На втором уроке мы тебя опять посадим за компьютер. Как можно больше надо на уроке выполнить заданий, чтобы освободить себе место, пути домой, так скажем, без домашнего задания. Два урока у нас сегодня. Планируем.*

При этом следует отметить, что в этих примерах, возможно, также необходимо говорить о размытом содержании «мы», потому что нельзя точно определить, имеет ли в виду учитель только себя или пытается «разделить ответственность» с учениками (кроме того ученика, к которому непосредственно обращается). Ср., например:

(13) *Учитель: Да, тут красиво, а тут некрасиво. Хорошо бы, если все было бы подтверждено. Итак, доказывай, что ты был прав.*

Ученик: [Неразборчиво].

Учитель: Замечательно, мы очень рады! Так.

Возможно, в таких примерах стоит говорить о пересечении значения ‘мы = я’ и эксклюзивного значения.

Выводы

В статье были рассмотрены контексты употребления местоимения «мы» в речи результативных учителей истории, русского языка и литературы. В целом, учителя истории в проанализированных нами записях чаще употребляли местоимение «мы», чем учителя русского языка и литературы. Именно в речи учителей истории мы зафиксировали употребления этого местоимения в функции, близкой к дискурсивному маркеру (обычно в сочетании «у нас»); насколько нам известно, ранее в исследованиях на материале русского языка такое значение местоимения «мы» не выделялось. Тот факт, что данные случаи употребления встретились только в речи учителей истории, объясняется как спецификой предмета, так и индивидуальными речевыми привычками конкретных педагогов. Более точно ответить на этот вопрос позволит анализ большего объема материала.

Было показано, что основным значением, в котором употребляется местоимение «мы» на уроках, является инклюзивное значение, когда «мы» обозначает учителя и учеников, находящихся в классе. Преобладание этого значения наблюдается в речи всех учителей. Часто учитель дополнительно эксплицирует идею совместности, употребляя конструкции «мы с вами» или «давайте мы (с вами)». Кроме того, в ряде случаев даже широкий контекст не позволяет понять, какое именно значение вкладывает учитель в местоимение «мы», что свидетельствует о размытости его содержания. Эти два типа контекстов составляют 76 % от всех примеров употребления

¹ Гранева И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения «мы» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 208.

местоимения «мы» в рассмотренном материале. Следовательно, можно говорить о том, что местоимение «мы» используется результативными учителями как средство интимизации повествования, создания более доверительных отношений с учениками. Интересно, что примеры употребления местоимения «мы» в значении 'ты' или 'вы', которое в литературе называют учительским или родительским, в проанализированном материале встречаются редко. Полученные нами данные позволяют предположить, что употребление «мы» в этом значении может быть характерно для речи отдельных учителей (в нашем материале это Учитель 5).

Дальнейшие исследования данной темы должны включать в себя анализ большего объема материала, а также рассмотрение не только личного местоимения «мы», но и притяжательного местоимения «наш». Кроме того, возможно проведение с участием школьников опросов и экспериментов, в которых в качестве стимулов будут использоваться контексты употребления «мы» в разных значениях и в первую очередь «мы» с размытым содержанием. Такие исследования позволят получить данные о том, как сами ученики интерпретируют «мы» в речи учителя, и тем самым можно попытаться ответить на вопрос, действительно ли употребление этого местоимения в той или иной функции способствует интимизации повествования и влияет на процесс обучения в целом.

Список источников

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва: Школа «Языки русской литературы», 1997. 576 с.
- Гранева И. Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения «мы» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–209.
- Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык. Москва: КомКнига, 2010. 304 с.
- Копнина Г. А. Речевое манипулирование. Москва: Флинта, 2012. 170 с.
- Кузнецова А. А. О понятии «интимизация речи»: к постановке проблемы // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). С. 1–4. URL: <https://rulb.org/media/articles/5450.pdf> (дата обращения: 25.05.2023).
- Левина О. М. Коммуникативная стратегия манипулирования как объект дидактизации в межкультурном языковом образовании // Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы / под редакцией В. А. Гончаровой, И. Н. Столяровой. Москва: Библио-Глобус, 2018. С. 123–132.
- Маркасова Е. В., Тянь В. Манипулятивная функция местоимения «мы» в русском и китайском языках (прагматический аспект) // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 79–86.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука, 1985. 272 с.
- Погорецкая О. А. Манипулятивные техники в итальянском политическом дискурсе в аспекте преподавания профессионально ориентированного перевода на старших курсах в высшей школе // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Ч. 2. С. 424–433.
- Сергоманов П. А., Мальцев М. А., Бысик Н. В., Бекетов В. Ю., Байбурин Р. Ф. Социология урока: дискурсивная организация результативных учительских практик // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 191–218.
- Chase C. C., Marks J., Malkiewich L. J. et al. How Teacher Talk Guidance during Invention Activities Shapes Students' Cognitive Engagement and Transfer // International Journal of STEM Edu-

cation. 2019. Vol. 6. Paper 14. URL: <https://stemeducationjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40594-019-0170-7#citeas> (дата обращения: 25.05.2023).

Rose D. Analysing Pedagogic Discourse: An Approach from Genre and Register // *Functional Linguist.* 2014. Vol 1. Paper 11. URL: <https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-014-0011-4#citeas> (дата обращения: 25.05.2023).

References

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualisation of the world (on the material of Russian grammar)]. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi literatury", 1997. 576 p.

Graneva I. Iu. O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniia «мы» [On referential and non-referential usage of the pronoun "we"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2008, no. 4, pp. 206–209.

Dolinin K. A. *Interpretatsiia teksta: Frantsuzskii iazyk* [Interpretation of the text: the French language]. Moscow: KomKniga, 2010. 304 p.

Kopnina G. A. *Rechevoe manipulirovanie* [Speech manipulation]. Moscow: Flinta, 2012. 170 p.

Kuznetsova A. A. O poniatii "intimizatsiia rechi": k postanovke problemy [On the concept of "Intimation of Speech": Setting the problem]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 4 (40), pp. 1–4. Available at: <https://rulb.org/media/articles/5450.pdf> (accessed: 25.05.2023).

Levina O. M. Kommunikativnaia strategiiia manipulirovaniia kak ob"ekt didaktizatsii v mezhkul'turnom iazykovom obrazovanii [Communicative strategy of manipulation as an object of didacticisation in intercultural language education]. *Dialektika sovremennogo mezhkul'turnogo inoazychnogo obrazovaniia: vektory i smysly* [Dialectics of modern intercultural foreign language education: trends and meanings; ed. by V. A. Goncharova, I. N. Stolyarova]. Moscow: Biblio-Globus, 2018, pp. 123–132.

Markasova E. V., Tian' V. Manipulativnaia funktsiia mestoimeniia "мы" v russkom i kitaiskom iazykakh (pragmاتichesкий aspekt) [Manipulative function of pronoun "we" in Russian and Chinese (the pragmatic aspect)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 2 (14), pp. 79–86.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka, 1985. 272 p.

Pogoretskaia O. A. Manipulativnye tekhniki v ital'ianskom politicheskom diskurse v aspekte prepodavaniia professional'no orientirovannogo perevoda na starshikh kursakh v vysshei shkole [Manipulative techniques in Italian political discourse in the context of teaching professionally oriented translation in the senior years of university studies]. *Prepodavatel' XXI vek* [Russian Journal of Education], 2021, no. 1, part 2, pp. 424–433.

Sergomanov P. A., Mal'tsev M. A., Bysik N. V., Beketov V. Iu., Baiburin R. F. Sotsiologiia uroka: diskursivnaia organizatsiia rezul'tativnykh uchitel'skikh praktik [Sociology of the lesson: Discourse organization of successful teaching practices]. *Voprosy obrazovaniia* [Educational Studies Moscow], 2023, no. 1, pp. 191–218.

Chase C. C., Marks J., Malkiewich L. J. et al. How Teacher Talk Guidance during Invention Activities Shapes Students' Cognitive Engagement and Transfer. *International Journal of STEM Education*, 2019, vol. 6, paper 14. Available at: <https://stemeducationjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40594-019-0170-7#citeas> (accessed: 25.05.2023).

Rose D. Analysing Pedagogic Discourse: An Approach from Genre and Register. *Functional Linguist.* 2014, vol 1, paper 11. Available at: <https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-014-0011-4#citeas> (accessed: 25.05.2023).

Сведения об авторах

Елена Игоревна Риехакайнен – кандидат филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-4087-1225>, e.riehakajnen@spbu.ru, Санкт-Петербургский государственный университет (7/9, Университетская наб., 199034 г. Санкт-Петербург, Россия); **Elena I. Riekhakaynen** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, e.riehakajnen@spbu.ru, St Petersburg State University (7/9, Universitetskaya nab., 199034 St Petersburg, Russia).

Ульяна Андреевна Судакова – стажер-исследователь, <https://orcid.org/0009-0005-7614-6713>, st101968@student.spbu.ru, Санкт-Петербургский государственный университет (7/9, Университетская наб., 199034 г. Санкт-Петербург, Россия); **Ulyana A. Sudakova** – Research Assistant, st101968@student.spbu.ru, St Petersburg State University (7/9, Universitetskaya nab., 199034 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 18.09.2023; Approved after reviewing 11.10.2023; Accepted for publication 25.10.2023.